

Лунная ночь выдалась тусклой. Бамбук в роще рос высоким и крепким, густые кроны почти полностью заслоняли небосвод. Лянь Цзяньюэ шел среди исполинских стеблей, пробираясь сквозь первозданный, густой, точно жидкая тушь мрак. Вскоре с запада потянул легкий ветерок. Зашелестела листва, и одинокий лунный луч, проскользнув в колыхнувшуюся прореху, заплясал по бамбуковым перьям, рассыпая изумрудные искры. Ветер окреп, лунный свет сделался ярче, и во тьме вдруг запенились, покатались зеленые волны растрепанной листвы.

Цзяньюэ прислушался: в завываниях ветра почудился тигриный рык. Раздвинув бамбуковые ветви, он устремил взор на запад, туда, откуда катились зеленые волны. Там, в самой глубине рощи, раскинулась просторная, усыпанная белым песком площадка. Посреди нее молодой мужчина в тренировочных одеждах и матерчатых туфлях увлеченно размахивал парными саблями Бабочки.

Серебристо-серые клинки длиной едва ли достигали локтя, а их рукояти были оплетены золотистым шелковым шнуром. Боец двигался уверенно и твердо: то уходил в глубокий выпад, направляя лезвия вниз — так, что при каждом взмахе воздух свистел, точно рвущийся шелк; то прижимал обух к предплечьям и скрещивал руки, принимая стойку усмирения дракона и тигра; то резко рассекал воздух перед собой.

Ветер разыгрался не на шутку, склоняя стебли бамбука у края площадки к самой земле.

Цзяньюэ ускорил шаг и вскоре вышел к опушке. Заметив гостя, юноша улыбнулся и, выполнив напоследок эффектный прием «Снегопад укрывает вершину», плавно опустил оружие. Слегка переводя дыхание, он почтительно поклонился:

— Третий шисюн, что привело тебя сюда?

Это был Синшань, младший соученик Цзяньюэ, а тренировочной площадкой служила Арена Бамбукового Леса.

С южной стороны высился бамбуковый навес, под которым стояла простая скамья, а по краям арены тянулись стойки для оружия и снаряжения.

Старый мастер Бянь славился на всю Поднебесную своим кузнечным ремеслом — особенно искусно он ковал мечи. Каждый раз, завершая работу над крупным заказом, он непременно приглашал покупателя сюда, чтобы показать товар лицом. Да и сами ученики, выковав новый клинок, любили опробовать его здесь, оценивая баланс и упругость стали.

— Хотел попросить тебя взглянуть на один меч, — ответил Цзяньюэ. — Подумал, что в такой час ты наверняка будешь здесь.

Синшань утер пот со лба и повесил сабли на бамбуковую стойку.

— Старшая шицзе выковала новые парные раздвоенные клинки для мастера Хэ из Гуандуна, — поделился он. — Через пару дней тот приедет за заказом, вот шицзе и велела мне опробовать их в деле.

— Отличное оружие, — одобрил Цзяньюэ. — И владеешь ты им безупречно.

— Да брось, я в саблях не особо смыслю, так, балуюсь, — отмахнулся Синшань.

Он перевел взгляд на Цзяньюэ, задержав внимание на черных ножнах Куюя. Поняв без слов, тот протянул ему Меч Плачущего Дождя. Обрадованный Синшань принял темное оружие, поднял его на уровень глаз и подставил под скудный лунный свет.

— Длина три чи и один цунь, а весит... всего три лян? — юноша изумленно нахмурился. — Быть не может, слишком легкий...

Он крутанул запястьем, выпрямил клинок и медленно провел подушечками пальцев по лезвию, словно проверяя его текстуру. Затем осторожно дунул на сталь и замер, прислушиваясь к едва различимому гулу.

— Тонкий, как крыло цикады, невесомый, будто перышко... С виду камень, на ощупь тоже чистейший камень, но если щелкнуть по нему — звенит металлом. Шисюн, это точно меч?

Цзяньюэ негромко рассмеялся:

— Слово в слово повторяешь за учителем.

Синшань смущенно почесал щеку:

— Неужели это очередная проверка от шифу, а ты лишь передал его загадку?

— Вовсе нет. Учитель и сам не смог разгадать его тайну. Но зная, как ты искусен в фехтовании, он предложил отдать клинок тебе. Вдруг ты сумеешь что-то почувствовать?

Синшань посерьезнел. Встав прямо, он лихо крутанул Куюй, очертив в воздухе изящный полукруг, но тут же вновь нахмурился. Во взгляде, устремленном на лезвие, отразилось неподдельное изумление.

Шагнув в глубокий выпад, он начал неспешную, выверенную серию движений. Резкий укол навстречу ветру — и мгновенный возврат. Синшань провел еще несколько простых, классических связок. В его руках Куюй наконец-то стал походить на грозное оружие: в воздухе разлилась острая, леденящая аура. Однако юноша казался недовольным своей работой. Скривившись, он резко оттолкнулся от земли и взмыл высоко вверх. Когда он приземлился,

белая пыль под его ногами взметнулась едва ли на полвершка, тут же осев обратно. Дважды вонзив острие в песок, Синшань сменил тактику, перейдя к более сложной, витиеватой технике со множеством прыжков и обманных финтов.

Этот белый песок привозили из Парка Бэйхай. В народе его прозвали «Оседающим на Полвершка Песком» — он был заметно тяжелее обычного речного песка, не поднимал пыли и отличался невероятной мягкостью, отлично смягчая удары при падениях. Поговаривали даже, будто дельцы собирались наладить из него производство ортопедических подушек нового поколения.

Синшань выполнил еще с десятков приемов. Движения его были легки и свободны, а взмывающие крупы песка создавали иллюзию, будто он ступает по кучевым облакам или скользит по гребням пенных волн.

Его танец струился подобно воде, а у Цзяньюэ рябило в глазах. В какой-то момент показалось, что Куй в чужой руке превратился в каллиграфическую кисть, густо пропитанную тушью: каждый взмах ложился на невидимый холст искусным штрихом, создавая посреди арены великолепный пейзаж в стиле шаньшуй. Последний росчерк — и Синшань замер, коснувшись ногами земли.

— Нет, не лежит у меня к нему рука, — выдохнул он.

Цзяньюэ удивленно приподнял брови:

— Но со стороны казалось, что ты управляешься с ним безупречно!

Синшань оглядел клинок и со вздохом покачал головой:

— Дело в том... что это, кажется, вовсе не меч.

— В твоих руках он и правда выглядел скорее как кисть для письма.

Юноша слабо улыбнулся:

— Я не о том... — Он опустил клинок острием вниз и протянул рукоять обратно Цзяньюэ. — Сабли, копья, мечи — все это лишь инструменты в человеческих руках. Оружие должно подчиняться воле хозяина. У него нет и не может быть собственных желаний, а хороший, привычный клинок со временем просто становится продолжением твоего тела. Но этот... Стоило мне повести его за собой, как я почувствовал глухое сопротивление. Да, он шел туда, куда я направлял, и выполнял все приемы, но каждое движение, каждый выпад он совершал словно через силу. Словно глубоко противился мне.

Цзяньюэ оживился, в его мыслях забрезжила догадка:

— Ветер! Точно, теперь я понимаю. Когда ты двигался, мне показалось, что воздух вокруг лезвия сгущается и завихряется, вместо того чтобы рассекаться ударами. Обычные мастера рубят ветер, колют его, отбрасывают в стороны, а этот меч словно увлекает его за собой, закручивая в водоворот... в какой-то бутон.

Он виновато улыбнулся соученику:

— Впрочем, я ведь сам меча в руках не держал, только и видел, как другие тренируются здесь. Не серчай, если наговорил глупостей.

— Что ты, шисюн! — поспешил успокоить его Синшань. — Ратному делу учиться вовсе не обязательно. К тому же ты зритель: его ауру... его скрытую силу мне и впрямь не обуздать.

Он бросил быстрый взгляд на Цзяньюэ, словно собираясь сказать что-то важное, но замялся и отвел глаза. Подойдя к стойке, он снял свои сабли и кивнул в сторону тропинки:

— Ладно, уже поздно. Возвращайся в усадьбу, шисюн. Дорога ведь была долгой, ты, должно быть, валишься с ног.

— Говори, что у тебя на уме, — мягко подтолкнул его Цзяньюэ.

Синшань помедлил. Покинув арену, он подошел ближе и спросил вполголоса:

— Этот меч... тебе оставил отец?

— Это вещь Лянь Уцзэна. Из его наследства, — спокойно ответил Цзяньюэ.

Синшань умолк. Они молча углубились в бамбуковую рощу. Ветер улегся, и воцарилась глухая, плотная тьма, сквозь которую едва угадывались силуэты стеблей. Лишь тихий шорох шагов нарушал безмолвие.

Наконец Синшань заговорил вновь:

— Насчет того разговора за ужином... Шицзе ведь не со зла, она просто печется о здоровье отца. Пускай шифу крепок и все обследования показывают, что он в полном порядке, но...

Юноша запнулся, подбирая слова:

— Тебя не было в усадьбе последние дни, шисюн, так что ты, верно, еще не слышал. Вчера пришла весть из Цюаньчжоу. Девятый господин, который был даже младше нашего учителя и никогда не жаловался на здоровье, внезапно скончался. Инсульт. А ведь он следил за собой

еще пуще нашего шифу, регулярно проверялся у врачей, показатели были идеальные... Вот шицзе теперь и места себе не находит, боится, как бы с отцом...

Он не стал договаривать, но Цзяньюэ и так все понял.

— Жизнь непредсказуема, — отозвался он ровно. — Сегодня человек есть, а завтра его след простыл.

Синшань вздохнул:

— Прости, разболтался я.

Цзяньюэ удивленно посмотрел на него:

— Мы ведь соученики. С каких пор простой разговор стал считаться болтовней?

— Боялся разбередить твои раны. Твоя поездка ведь как раз была связана с... — голос Синшаня сошел на едва различимый шепот.

Цзяньюэ лишь слабо улыбнулся:

— Ты не разболтался, а просто слишком много себе надумал. Уход Лянь Уцзэна не вызывает во мне ни капли скорби.

Он перевел тему:

— Кстати, у нас сегодня были гости? Я заметил за столом два свободных места.

— Да, приезжали родители Суи, — ответил Синшань. — В следующую среду они забирают её в город на подготовительные курсы перед экзаменами в творческий вуз. Шисюн, у тебя же теперь есть при себе мобильный. В следующий раз, как соберешься домой, набери мне заранее, ладно? Чтобы я успел приготовить побольше еды.

Цзяньюэ смутился:

— Признаться, я впервые уехал так далеко в одиночку. До конца не понимал, как себя вести и что делать.

Но тут же вспомнил:

— Ах да, в Хэнани сейчас как раз цвели пионы. Невероятная красота, я сделал кучу снимков.

Он достал телефон и принялся показывать Синшаню яркие бутоны на экране. Когда палец пролистнул до фотографий, сделанных в ритуальном зале Каменной деревни, в голове Цзяньюэ вновь всплыли мысли о Цюй Цзючуане и загадочных бусинах Девяти Изгибов.

Он решил воспользоваться моментом:

— Послушай, а тебе когда-нибудь доводилось слышать о бусинах Девяти Изгибов?

— Венчает список десяти величайших скрытых орудий Поднебесной. Конечно, слышал, — удивился Синшань. — С чего вдруг такой интерес?

— В Хэнани краем уха услышал, как прохожие толковали о них. Ты у нас мастер по части метательного оружия, вот я и подумал спросить. Говорят, секретом владения этими бусинами сейчас обладают лишь Хэ Чжэнвэй из Лояна да его второй сын. Это правда?

Синшань подтвердил:

— Да, старый мастер Хэ сам их и изобрел, а секретковки держит в строжайшей тайне. После смерти его старшего сына единственными, кто умеет управлять этим оружием, остались сам старик да его второй сын, Хэ Чэн.

Синшань усмехнулся:

— Охотников выведать секрет всегда хватало. До сих пор к нашему шифу то и дело приходят чудаки со своими чертежами, требуя выковать им такие же бусины. Кто просит добавить железо и никель, кто — сплав золота с серебром, а кто и вовсе мечтает о деревянных или нефритовых. Только вот что бы мы ни ковали по их указке, на выходе получается либо горсть обычных стальных шариков, либо безделица, годная разве что детям на забаву.

Он добавил негромко:

— Смертоносное оружие шуток не любит. Те немногие, кому довелось увидеть настоящие бусины в действии, либо сами их метали, либо уже покоятся в сырой земле.

«Неужели Цюй Цзючуань — один из тех редких счастливиц, кому удалось уцелеть после встречи с этим грозным оружием? — подумал Цзяньюэ. — Если так, то его жгучая ненависть к семейству Хэ вполне объяснима».

— Эх, выдался бы случай взглянуть на них хоть краем глаза... — с мечтательным вздохом проговорил Синшань.

— Судя по твоим же словам, от такой встречи лучше держаться как можно дальше, — покачал головой Цзяньюэ.

Они дружно рассмеялись, и напряжение окончательно рассеялось. Шаги их сделались легче.

— Кстати, шисюн, ты уехал в самый неподходящий момент, — вспомнил Синшань. — Пару дней назад к шифу обратились киношники — просили выковать для съемок легендарный меч Скрытого Света. И угадай что? Учитель перепоручил этот заказ старшей шицзе.

— И как это связано с моим отъездом? — не понял Цзяньюэ.

Синшань промолчал, погрузившись в раздумья, и долго не произносил ни слова.

Цзяньюэ быстро уловил скрытый подтекст его молчания и спокойно заговорил:

— Шисюн... Да, учитель всегда твердил, что его преемником станет тот, кто сумеет воссоздать меч Скрытого Света. Но ведь шицзе — его единственная дочь и наша старшая наставница. В былые времена шифу, возможно, и бывал излишне строг к нам и к ней, но в последние годы он заметно смягчился. Теперь он куда чаще поддерживает ее, нежели бранит. К тому же шицзе невероятно талантлива и полностью заслужила доверие отца. Вполне естественно, что семейное дело перейдет к ней по праву крови.

Он грустно улыбнулся:

— Я прожил под крылом учителя двадцать пять лет. Он приютил меня, воспитал, и этот долг мне никогда не вернуть. Но ты ведь знаешь, каково мое здоровье. Стоит мне провести у горна жалкие полчаса, как все тело охватывает нестерпимый жар, который потом ничем не сбить. А после тысячи ударов молотом руки просто отказываются повиноваться. Кузнечное дело мне не по плечу, со временем я безнадежно отстану и от тебя, и от Суи. Так что если мне позволят остаться в Усадьбе Клана Бянь обычным смотрителем или сторожем, я буду более чем счастлив.

— Прости меня, шисюн, — тихо произнес Синшань. — Снова я лезу не в свое дело.

<http://bllate.org/book/19697/1988368>